

Иллич Иван. Элементы радикальной критики индустриальной системы

1975, источник: [здесь](#).

Число людей, ежегодно умирающих от голода, с 1970 г. растет в 3 раза быстрее, чем общее население Земли. Еще стремительнее растет количество тех, кто вынужден получать пропитание за счет индустрии, поскольку сами они уже не могут произвести для себя еду. Так называемый прогресс оторвал их от земли, но одновременно и лишил их той альтернативы, которая еще оставалась у типичного горожанина 18-го столетия, поставляя ему значительную часть его пропитания: использование отходов и мусора для разведения кур, кроликов, коз, рыб или овощей. До тех пор признаком неумолимой нищеты было то, что семья зависела в своем пропитании исключительно от торговли, воровства или милостыни. Сегодня горожанин гордится тем, что приносит из супермаркетов слишком обильно и дорого упакованные продукты, в то время как иреть остальных людей ложатся спать голодными, потому что не могут ничего купить. Взаимоотношение между человеком и голодом вступило в новую фазу. Голод нового типа обрушивается на людей, которые стали неспособны к тому, чтобы иметь огород или поросенка. Он служит политически и технологически неизбежной оборотной стороной индустриализации с того момента, как та перешагнула свои переносимые пределы. Речь идет о том, чтобы осознать этот индустриализированный голод как мутацию старого спутника человека и назвать его своим истинным именем.

Массовый голод нередко периодически насильственно уменьшал число жителей той или иной области в рамках окружающей ее среды. Но сегодня происходит нечто совершенно новое, слишком чудовищное, чтобы можно было легко ухватить его значение. Смерть от голода превращается в тормоз дальнейшего роста народонаселения мира, попавшего в зависимость от мирового рынка сельскохозяйственных продуктов. Если до сих пор жертвами голода ежегодно становились не более 5 миллионов человек, то через 5 лет эта цифра возрастет до 50 миллионов, а затем - еще больше. Ни рост урожаев в Канзасе, ни увеличение кредитов, ни применение еще более смертоносных крысиных ядов в Индии не смогут повлиять на эти прогнозы. Только радикальное, всемирное перепланирование, переход от дальнейшей тяжелой механизации к трудосберегающему, но современному сельскому хозяйству, от централизованного планирования к региональной автаркии, от всесторонней зависимости от рынка к экономике самообеспечения на маргинальных ныне почвах - только такой поворот вспять прогресса последних 30 лет смог бы предотвратить

еще более ужасные катастрофы в 90-х годах[1]. К несчастью, эта альтернатива, то есть научно продуманная и подкрепленная политической волей «агрикultura выживания», совершенно немыслима для индустриализированных мозгов большинства менеджеров Всемирной организации по продовольствию. Сделать подобные альтернативы мыслимыми и выступать за их политическое осуществление - таковы две принципиальные задачи общественной критики техники.

Зачастую лишь обращение к истории может вновь заставить представить себе нечто, кажущееся сегодня немыслимым (такое, как частичное самообеспечение продуктами питания). Всего лишь 150 лет назад более 97% всего питания людей поступало с полей, лежащих в пределах видимости с церковной колокольни потребителей.

Для все большего и большего числа людей пропорции сегодня обратные. Не считая «неразвитых» аграрных регионов (все еще больших) и современных «коммун» Китая или Кубы[2], лишь мизерная доля пропитания поступает из непосредственного окружения потребителя. Большая часть доставляется издалека с огромным расходом энергии. На каждый центнер урожая в Калифорнии сжигаются многие килограммы нефти, чтобы обеспечить орошение полей, механическую обработку их и сбор урожая. Еще до непосредственной энергозатратной транспортировки соевых бобов, которыми кормят людей в Бомбее и свиней в Киеве, каждая калория пищевой ценности требует гораздо большего количества горючего по сравнению с энергозатратами, которые падали бы на производство этих же пищевых ценностей при самообеспечении. В перенасыщенных удобрениями почвах Северной Америки один центнер искусственных удобрений повышает урожай лишь на пятую долю того, как мог бы тот же центнер увеличить урожай на многих бедных почвах Азии. Такое современное питание издалека, в конечном счете, совершенно беспомощно против роста голода.

Но еще важнее, чем посредством сравнения с прошлым ввести доиндустриальные истины в рамки постиндустриального планирования, - это сломать табу, которые в настоящее время прикрывают иллюзии о политической нейтральности техники. Как в сельском хозяйстве, так и на транспорте существуют социально-критические дозы энергии. По ту сторону этого порога любая дальнейшая затрата энергии на калорию пищевой ценности может быть лишь контрпродуктивной. Подобно тому, как, парадоксальным образом, по ту сторону порога дальнейшее увеличение скорости отдельного едущего парализующе действует на движение в обществе, точно так же - по ту сторону порога - капиталоемкость в сельском хозяйстве лишь производит больше индустриализированного голода. Только восстановление ограниченного, критически обоснованного и научно разработанного локального самообеспечения продовольствием может открыть выход из уже неминуемой голодной катастрофы.

Мечи еще можно было без проблем перековать на орала и лопаты. Но было бы смертельной иллюзией пытаться превратить в трактора бронированные массы современных армий. Потоки сельскохозяйственных гусеничных тракторов и облака инсектицидов опустошили бы Землю не хуже любого оружия. Не «re-tooling»(поворот) бесцельных капиталовложений, а лишь целесообразное ограничение капиталовложений в производство дает общественно полезный и нужный результат.

За последние десятилетия стало ясно, что внедрение капитальных ценностей в организацию и технику оказывает общественно полезное действие только в определенных границах. В рамках этих границ как уровень техники, так и распределение контроля над производственными благами определяют, на пользу кому пойдет это увеличение производства. За пределами этих границ присущая технике внутренняя динамика навязывает общественным отношениям эксплуататорскую структуру. Лишь пока капиталовложение в определенную отрасль производства удерживается в этих границах, вообще сохраняется возможность политического выбора между капиталистической и социалистической экономикой. По ту сторону этих границ мощь материальных средств производства уже исключает большинство из политического контроля над ними. Орудие может быть общественно целесообразным лишь в определенном масштабе - и то лишь в том случае, если этот масштаб орудия определяется в ходе политического процесса принятия решений.

Мне представляется решающе важным теоретически развить этот тезис и испытать его, применив его к конкретным сферам не только в отношении благ, но и в особенности производства услуг. В моих анализах системы образования, транспорта и медицины речь идет о новом подходе к объяснению, который мог бы одновременно дать оценку трем аспектам современного индустриального общества: во-первых, социально вредному техническому применению научных достижений, во-вторых, неспособности всех признанных экономических теорий объяснить принципиальный характер нарастания вредоносных явлений по краям всех основных производственных сфер и, в-третьих, нехватки творческой фантазии, что позволило превратить действенные принципиальные альтернативы индустриальному обществу в немыслимые табу.

1. Мой анализ прогрессирующего превращения обучения в школу показал, что этот процесс, если его не ограничить, должен привести к возникновению расколотой ее образовательные классы меритократии капиталистов знания. Вместо того, чтобы привести к политическому ограничению педагогического гибрида, наш анализ был интегрирован в капиталистическую систему производства и использован для оценки ошколенного обучения. Осознание пределов роста, заложенных в традиционной школьной системе, дало педагогам право спуститься со своих кафедр. Они уже не ограничиваются молодежью, над которой властвуют в стенах школы и которую могут учить ежедневно по будням до 4 часов дня. Учитель, превратившийся в «Воспитателя народа», без ограничений расширяет свои компетенции на рабочее и свободное время и превращает всю жизнь своих питомцев в жизнь несмышленных детей. Х.Даубер в своей книге, вышедшей летом 1975 г., истолковывает этот переход от ограниченного к пожизненному воспитанию как окончательную капиталистическую деформацию общества.

2. Точно так же наш прежний анализ медикализации жизни оказался обоюдоострым аргументом. Можно доказать, что за пределами узких границ институционализация здравоохранения и ухода за больными ослабляет автономную способность людей к приспособлению и реагированию, что вредит здоровью и парализует их способность оказывать политическое воздействие на больное окружение. Но поскольку это указание должно начинаться с доказательства врачебных функций вмешательства и поскольку оно обращено к людям, ощущающим свою зависимость от врача, то этот анализ легко ведет к

слишком поверхностным техническим и политическим реформам врачебной деятельности, придает ей новую обоснованность и обеспечивает ей новый приток капиталов. Вместо того, чтобы вести к ограничению гетерономного лечения, наша критика до сих пор понималась прежде всего как предложение распространить медицинский контроль за больными и на здоровых людей.

3. Мой анализ транспортной системы продемонстрировал, что увеличение скорости транспортных средств, начиная с определенной точки, должно ограничивать пространственные, временные возможности и возможности принимать решения, не говоря уже об эксплуатации большинства людей подгоняющими их комиссарами. Поскольку анализ пришел к выводу, что вероятность социальной эксплуатации начинается со скоростей в пределах 20 км. в час, то его до сих пор так и не приняли всерьез и не интегрировали.

Понимание того, что у любого процесса индустриального производства благ или услуг имеются имманентные границы социальной полезности, все еще не проникло в политическое мышление. В сферах образования, здравоохранения и транспорта удовлетворенные производители и наркотически зависящие клиенты еще смогут, возможно, в течении ряда лет объявлять бесцельную гигантоманию в планировании систем успехом, а лишенные фантазии кибернетики будут истолковывать ее как «контраинтуитивное поведение» больших систем. Однако с продуктами питания так играть и жонглировать уже нельзя. Миллионам людей уже сегодня грозит голодная смерть. Запланировать можно лишь то, кто получит привилегии в смерти. Смертельный голод принуждает нас сейчас вычеркнуть постулаты веры индустриального общества из слепого взгляда нашего мировоззрения. Мнимая естественность этих вроде бы само собой разумеющихся догм сделало эти догмы тривиальными и потому незримыми; сейчас же речь идет о том, чтобы бросить на критический свет и задаться вопросом: в какой мере управление и планирование рыночного товара неизбежно снижает эффективность? Задача социально-критического анализа технических факторов состоит в том, чтобы найти отчет на этот вопрос.

Наше индустриализированное мышление и переживание привели нас к тому, что мы преувеличиваем ценность институционализированных продуктов и таким образом не уделяем внимания социально-политической защите производства ценностей иного рода. Наша вера в то, что большинство потребностей можно удовлетворить с помощью гетерономного[3], однозначно измеримого производства в производственных центрах, привела к относительной недооценке всех тех видов деятельности, результат которых может быть определен автономно и измерен только индивидуально, так что его нельзя превратить в капитал (или это можно сделать лишь в незначительной степени). Социальная оценка любой техники, примененной в той или иной отрасли производства, должна проистекать из этого различия. Это различие служит ключевым понятием для вышеназванных подходов к объяснению, которые должны проявить свою действенность в том, что они могут объяснить не только функции, но и дисфункции индустриальной экономики и поэтому служат указателем, позволяющим превратить нынешнюю безвыходную эскалацию противоречий в поддающийся разрешению кризис.

Различение между автономным и гетерономным способом производства стало труднее, поскольку сам язык теперь смешивает переходное лелание с непереходным действием и путает их. Мы живем в эпоху, когда учение программируется, жилье урбанизируется, транспорт моторизируется, а понимание канализируется. В таком запланированном обществе люди приобретают склонность к тому, чтобы удовлетворять свои конкретные нужды за счет поставок институционализированных продуктов, а не благодаря собственной реакции и собственным усилиям. Они ждут «образования», «перевозки», «лечения», вместо того, чтобы учиться праву отстаивать свой доступ к здоровой окружающей среде. Непереходное поведение лишается экономической ценности, идеологически преуменьшается, и непереходная деятельность пресекается инфраструктурой, ориентированной на потребление. Я «обучаюсь» вместе с одношкольником вместо того, чтобы иметь возможность учить что-то вместе с моим соседом.

Школы производят образование, машины - перевозку, медицина - лечение. Эти услуги или объекты служат массовыми благами, обладающими всеми признаками товаров. Стоимость их производства может быть выражена в деньгах, их нехватка может быть измерена с помощью предельной цены, их можно включить во ВВП общества или выделить из него. Общая стоимость одного километра полета в самолете, общая стоимость высшего образования или общая стоимость колостомии лежат в пределах тех же величин, независимо от того, достаются они клиенту на свободном рынке или как общественная услуга.

Обязательное образование в школе, высокая скорость на транспорте, операция рака в больнице - типичные продукты капиталоемкого способа производства. Любой из этих продуктов конкурирует с не имеющей рыночного значения потребительской ценностью: возможностью изучать, давать, лечить или, в крайнем случае, «страдать». Издавна человек изучал что-либо, слушая, подражая и делая вместе; он передвигается автономно, на своих ногах; он выздоравливает или страдает от болезни, потому что обладает автономной приспособляемостью к среде. Такое учение, давание, выздоровление или страдание не может быть включено в ВВП. Путь, проделанный пешком или на велосипеде, нельзя исчислить в пассажиро-километрах транспортного средства. Пока этим автономно произведенным действиям не приходится вступать в неравную конкуренцию с рыночными индустриальными изделиями, они представляют собой потребительные ценности, которые можно распределить среди населения приблизительно равномерно. Все люди в полную силу учат свой родной язык, если им не навязывается школой куда более трудный письменный язык. В эпоху, когда рыцари и крестьяне передвигались со скоростью ослиного шага, никто не мог иметь таких пре имуществ, какие заложены сегодня в любой транспортной системе. Изучать и ходить - точно так же как рожать, любить или готовить еду воспринимались как ценности, которые могли создаваться большинством членов общества с сопоставимым умением и сопоставимым удовольствием и лишь в особых случаях курьера, проститутки или поварихи совершались за деньги.

Товары и не предназначенные для рынка потребительские ценности взаимно дополняют друг друга во всех сферах. Эти две формы удовлетворения потребностей находятся, так сказать, на противоположных полюсах спектра. Во все времена технический прогресс увеличивал как производительность автономного производства, так и потенциал

ориентированного на рынок производства прибавочной стоимости (и вместе с тем заинтересованность в эксплуатации рабочей силы). Технический прогресс в принципе повышает синергетическую общую производительность дополняющих друг друга способов производства.

Но когда общество поставило технический прогресс преимущественно на службу индустрии (то есть гетерономному товарному производству), оба взаимодополняющих способа производства все больше стали вступать в конфликт друг с другом. Синергизм автономного и гетерономного производства социально удерживается лишь в рамках определенных пропорций.

Там, где большинство потребностей большинства людей удовлетворяется за счет домашнего, кооперативного или коммунального производства, там разрыв между ожиданием и удовлетворением чаще всего невелик и устойчив. При подобных регионально-автаркических отношениях самообеспечения орудия, применяемые в производстве, определяют потребности, которые и могут удовлетворяться с использованием именно этих средств.

Индустриальная доля совокупного производства остается позитивной, пока благодаря ей соответственно увеличивается и производительность автономного производства. Но в действительности идеологические предрассудки порождают переориентацию общества исключительно в пользу индустриального товарного производства. У этой переориентации 2 стороны: люди приучаются ориентироваться на потребление, а не на действие и в то же самое время пространство для их действий сужается. Структура индустриального орудия делает процесс производства непрозрачным и препятствует обучению наемного работника на рабочем месте. Приученные к ускорению участники движения разочарованно видят, экономящие время велосипеды вытесняются с улиц расходующими время автомобилями. Наемный труд и коммерческие услуги распространяются, и ради их дальнейшего распространения разрушаются условия для автономного производства и личной взаимопомощи. Ожидание экспоненциально взлетает вверх по сравнению с удовлетворением, и в то же самое время синергизм обоих полярных способов производства приобретает негативное значение. Ради гетерономного товарного производства подавляется автономное удовлетворение даже самых элементарных потребностей, и тем самым создается дефицит, который затем мог бы быть компенсирован только за счет ненормального, совершенно невозможного прироста товаров. Традиционная нищета и политическая эксплуатация со стороны собственников орудий переходят в модернизированную нужду и давление со стороны самой технической структуры орудия.

Новая нужда поистине «неизмерима». Способность к производству специфических потребительских ценностей, разрушаемая гипертрофией соответствующего товарного производства, просто не может быть измерена в масштабах ставшей необходимой замены. Масштабы, применяемые в индустриальном обществе, просто не подходят к ценностям, производимым при автономном способе производства.

Общество, чье представление о ценностях затоплено и искажено меновой стоимостью, теряет, таким образом, способность распознать тот порог индустриального роста, за

которым в каждой отдельной сфере синергизм автономного и гетерономного способов производства порождает негативный результат, то есть фрустрацию или разочарование. Наши экономисты в настоящее время ограничиваются тем, что констатируют снижающийся по краям прирост ценностей или перенесение экономических, экологических и социальных издержек из одной сферы в другую при нарастающем общем росте. Для меня же речь идет о том, чтобы распознать тот вред, который имманентно присущ любой отдельной отрасли производства, если технический прогресс идет неравномерно на пользу гетерономному, а не автономному способу производства. Не экспертное знание и технократия, а лишь политическое формирование мнения и политический контроль над техникой могут измерить, насколько растет вред от этого негативного синергизма, и сдержать его.

(Technologie und Politik. Aktuell-Magazin.1. Reinbek bei Hamburg, 1975. S.3-11).

Примечания

[1] Согласно отчету Всемирной организации по продовольствию 1999 г., число людей, не имеющих «достаточного доступа к продуктам питания», достигало в конце 90-х гг. почти 800 миллионов в «развивающихся» странах, 8 миллионов в странах ОЭСР и 26 миллионов в странах, совершающих переход от централизованной к рыночной экономике. (Der Fischer Weltalmanach 2001. S.1273).

[2] В настоящее время в связи с глобальным «переходом к рынку» и эти районы все в большей мере втянуты в коммерческое сельское хозяйство, в результате чего сотни миллионов сельских жителей вынуждены оставить землю и бежать на поиски работы в города.

[3] «Гетерономное» производство - отчужденное производство, производство не для себя, а на обмен. «Автономное» производство - производство ради собственных нужд, самоопределяемое (прим. перевод.).

Версия #2

Зверобой создал 25 мая 2025 03:52:59

Зверобой обновил 25 мая 2025 04:27:41